

УДК 349.3

DOI: 10.34670/AR.2020.91.10.024

О конституционной гарантированности социального обеспечения**Миронова Тамара Карловна**

Доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения,
Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: tkmironova@msal.ru

Аннотация

Современный этап развития российской системы социального обеспечения характеризуется противоречивыми тенденциями. С одной стороны, экономические и демографические факторы привели к необходимости повышения пенсионного возраста, более строгими становятся условия предоставления различных видов обеспечения. С другой стороны, новым реальным ориентиром стала Конвенция МОТ № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения». Ее ратификация должна привести к повышению уровня материальной обеспеченности граждан. В этих условиях важно изменить подход к пониманию принципа конституционной гарантированности социального обеспечения. Сегодня преобладает негативный подход, который оказывает отрицательное воздействие на систему. Необходимо использовать позитивный потенциал данного принципа. Он заключается в определении базовых конституционных параметров уровня обеспечения, ниже которого оно не может предоставляться. На основе этого целевого ориентира должна осуществляться корректировка системы социального обеспечения.

Для цитирования в научных исследованиях

Миронова Т.К. О конституционной гарантированности социального обеспечения // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 10А С. 217-226. DOI: 10.34670/AR.2020.91.10.024

Ключевые слова

Конституция, конвенция, закон, гарантии, принципы, социальное обеспечение, уровень обеспечения, пенсионный возраст.

Введение

Формирование российской системы социального обеспечения определяют положения ст. 39 Конституции РФ, согласно которой «каждому гарантируется социальное обеспечение». Это конституционное положение лежит в основе двух принципов права социального обеспечения: 1) гарантированности уровня социального обеспечения не ниже прожиточного минимума; 2) гарантированности социальной помощи при наступлении социально значимых обстоятельств. Такая «удвоенная» гарантированность – на конституционном и отраслевом уровнях – предъявляет особые требования к содержанию правовых норм в законах о социальном обеспечении. Новый импульс развитию отечественной системы социального обеспечения и прав человека в этой сфере придает вступивший в силу с 2019 г. Федеральный закон от 3 октября 2018 г. № 349-ФЗ, которым ратифицирована Конвенция МОТ № 102.

Приобщение к международным параметрам социального обеспечения совпало в 2019 г. с еще одним, но уже менее радостным событием – началом очередного этапа пенсионной реформы, который предусматривает повышение пенсионного возраста в России. Об остроте проблем, связанных с повышением пенсионного возраста в нашей стране, свидетельствует факт направления группой депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ запроса в Конституционный Суд РФ на предмет проверки конституционности отдельных статей Федерального закона от 3 октября 2018 г. № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий». Конституционный Суд РФ выразил свое отношение к данной проблеме в Определении от 2 апреля 2019 г. № 854-О, но его позиция не вызывает оптимизма.

Такие разновекторные события определяют новые ориентиры системы социального обеспечения, характеризуют возникающие при этом проблемы и влияют на современное состояние гарантированности социального обеспечения.

«Гарантии», «гарантирование», «гарантированность»: взаимосвязь понятий

Гарантирование предполагает наличие целого ряда гарантий и их правовое опосредование. Общая теория права рассматривает гарантии как обязательную составляющую правового статуса личности. Гарантии – понятие собирательное, многоаспектное, включающее разные виды гарантий. В научной юридической литературе содержатся различные определения гарантий. Большинство из них в качестве сущностного элемента указывают на такую особенность данного понятия, как условия и средства, обеспечивающие выполнение принятых обязательств.

В зависимости от оснований и критериев классификации выделяют экономические, политические, правовые, организационные гарантии. Но эта классификация не является исчерпывающей. В контексте обеспечения прав и свобод человека и гражданина представляют интерес гарантии юридического характера, совокупность которых может носить разные названия (конституционные, государственные, правовые и т. п.).

Определение гарантий как совокупности условий и средств характеризует статический аспект. Гарантирование отражает деятельностный (динамический) аспект. Гарантированность – это состояние, когда система гарантий при их действии (применении) позволяет каждому

человеку получать различные виды социального обеспечения в случаях и на условиях, установленных законом. Таким образом, достижение состояния гарантированности обеспечивается посредством приведения гарантий в действие, принятия необходимых мер, связанных с их использованием, применением.

Полагаем, что в теоретическом плане *конституционная гарантированность социального обеспечения выражается в обязанности государства (в лице уполномоченных органов) принять исчерпывающий перечень мер, которые во всех случаях приводят к достижению требуемого результата, предусмотренного конституцией или принятым в соответствии с ней законом о социальном обеспечении.*

Законы о социальном обеспечении в свете положений Конституции РФ

На современном этапе в гарантировании социального обеспечения решающую роль играет деятельность Президента РФ как гаранта Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина и Конституционного Суда РФ. Проблема взаимодействия между ними в сфере социального обеспечения возникает на уровне законодательного регулирования.

Президент РФ, выполняя свои конституционные функции, участвует в законодательном процессе. Он наделен правом законодательной инициативы, отражающей «волю главы государства» [Минх, 2016, 95]. Президент вносит законопроекты в Государственную Думу, реализует право законодательной инициативы в форме представления поправок к законопроектам, подписывает и обнародует принятые федеральные законы (ст. 84, 104, 107-108 Конституции РФ).

Статус Президента – гаранта Конституции РФ предполагает, что он, по сути, не может быть «нарушителем» конституционных положений, касающихся социального обеспечения. Подписывая закон, Президент РФ фактически дает свое согласие на возведение в закон закрепленных в нем предписаний и подтверждает, что данные законоположения, с его точки зрения, не идут вразрез с Конституцией РФ. Конституция РФ наделяет Президента РФ правом отклонения закона в случае несогласия с ним.

Следовательно, в свете законодательного регулирования социального обеспечения статус Президента является наиболее высоким и значимым. В то же время, несмотря на формальное соответствие принятых законов Конституции РФ, некоторые законоположения время от времени признаются Конституционным Судом РФ, не соответствующими Конституции РФ. Такого рода постановлений и определений Конституционного Суда РФ сегодня насчитывается уже более четырех десятков¹. Попробуем разобраться, почему возникает подобное противоречие и как проявляются его последствия в регулировании отношений по социальному обеспечению.

---

¹ В рамках статьи невозможно привести названия всех постановлений и определений, поэтому указываются только их номера по годам: № 12-П, 16-П (2019 г.); № 7-П, 9-П, 11-П (2018 г.); № 36-П, 40-П (2017 г.); № 1-П, 16-П, 19-П (2016 г.); № 29-П (2015 г.); № 2-П, 9-П, 20-П, 23-П (2014 г.); № 2-П (2013 г.); № 10-П, 23-П, 24-П, 27-П (2012 г.); № 11-П, 179-О-П (2011 г.); № 15-П, 135-О-П (2009 г.); № 4-П, 9-П (2007 г.); № 187-О (2006 г.); № 231-О, 428-О (2005 г.); № 11-П (2004 г.); № 444-О (2003 г.); № 11-П, 320-О (2002 г.); № 8-П, 46-О (2001 г.); № 103-О (2000 г.); № 18-П (1998 г.); № 18-П, 20-П (1997 г.); № 7-П (1996 г.); № 6-П, 11-П (1995 г.).

При подписании законов Президент РФ исходит из «буквы» Конституции РФ. Конституционный Суд РФ, определяя конституционность закона, исходит из «буквы и духа» Конституции РФ [Зорькин, 2013, 11]. Означает ли ситуация, сложившаяся с законами о социальном обеспечении, что гарант Конституции РФ подписывает неконституционные законы и нарушает Конституцию РФ, а Конституционный Суд РФ их поправляет? Конечно же, это не так. В противном случае следовало бы признать, что у нас ни один из депутатов Государственной Думы или членов Совета Федерации (т. е. никто в Федеральном Собрании РФ, включая работающих там специалистов – федеральных государственных гражданских служащих), ни Правительство РФ с его аппаратом специалистов, ни даже Президент РФ (и его Администрация, включая специалистов) не способны увидеть и понять такое конституционное несоответствие и противоречие. И только Конституционный Суд РФ способен разобраться в сложившейся ситуации и принять единственно верное решение.

Изложенная ситуация свидетельствует чаще всего о возможности разных подходов к правовому регулированию одних и тех же отношений в сфере социального обеспечения. Кроме того, очевидно, что текст закона, который соответствует «букве» Конституции, может не соответствовать ее «духу», особенно если этот «дух» выявляется после принятия закона.

Таким образом, представления о соответствии или несоответствии Конституции РФ положений законов у Президента РФ и Конституционного Суда РФ не совпадают. Они и не могут совпадать. Как известно, «буква» закона должна читаться и пониматься единообразно. В этом заключается элемент объективности, которая предполагает формальное единообразие восприятия внешне объективированного текста Конституции, его словесного наполнения. Это же отличает «букву» от «духа» – придаваемого словам и предложениям (словосочетаниям) смысла, который зависит от субъективного восприятия, понимания и отношения.

Можно утверждать, что понимание Конституционным Судом РФ положений Конституции РФ имеет очень большую субъективную составляющую. Даже судьи Конституционного Суда РФ не всегда разделяют приведенную в обоснование решений Конституционного Суда РФ аргументацию, а иногда не соглашаются с принятым решением². Поэтому толкование Конституционным Судом тех или иных положений Конституции РФ не воспринимается как единственно возможное. Следование ему объясняется лишь статусом Конституционного Суда РФ и обязательностью его решений.

Подобного рода философские и юридические тонкости могут быть неведомы большинству граждан. Для них важна внешняя сторона процесса. А она заключается в неприемлемости ситуации, когда «неконституционные» законы выходят в жизнь после подписания их Президентом – гарантом Конституции РФ (исключение составляют федеральные законы, подписываемые им в силу ст. 107 Конституции РФ). Выход из данной ситуации видится в изменении акцентов в деятельности Конституционного Суда РФ в вопросах оценки соответствия тех или иных статей законов о социальном обеспечении положениям Конституции РФ.

---

² Постановления Конституционного Суда РФ от 29 марта 2019 г. № 16-П, от 19 февраля 2018 г. № 9-П, от 14 мая 2013 г. № 9-П, от 19 июня 2002 г. № 11-П, от 1 декабря 1997 г. № 18-П, от 11 марта 1996 г. № 7-П.

Влияние решений Конституционного Суда РФ на систему социального обеспечения

Законы о социальном обеспечении являются одними из наиболее востребованных в практике рассмотрения Конституционным Судом РФ. Весьма ценной и позитивной следует признать деятельность Конституционного Суда РФ, предусматривающую использование механизма выявления конституционно-правового смысла отдельных положений законов о социальном обеспечении³. Такой подход позволяет корректировать практику применения законов на основе положений Конституции РФ без внесения в них изменений. Это содействует сохранению стабильности действующих законов, поддерживает доверие граждан к закону, формирует их позитивное отношение как к самому закону, так и к законодательному процессу в целом и его участникам.

Тем не менее, как показывает практика, Конституционный Суд РФ чаще принимает решения о признании отдельных положений законов о социальном обеспечении не соответствующими Конституции РФ. Это приводит к целому ряду негативных результатов для системы социального обеспечения.

Во-первых, толкование положений Конституции РФ позволяет Конституционному Суду расширять сферу действия отдельных положений законов о социальном обеспечении через механизм их признания не соответствующими Конституции РФ [Миронова, 2015, 77].

Во-вторых, принимая решения о расширении круга лиц, на которых распространяются те или иные законы, Конституционный Суд РФ фактически решает вопрос о повышении уровня социального обеспечения этих лиц, переводя их из одной категории граждан в другую (с бóльшим объемом прав или выплат). Субъекты – получатели различных видов социального обеспечения имеют сложные характеристики, могут сочетать в себе разные статусы (принадлежность к разным категориям). Конституционный Суд РФ рассматривает предмет спора и выносит решение, не увязывая данное решение с системой отношений, в рамках которых существует этот предмет спора. Поэтому часто исполнение решения невозможно только в обозначенных пределах. Это требует более обширного объема изменений в законодательстве и финансовых средств. При их отсутствии повышение уровня социального обеспечения отдельных категорий граждан осуществляется за счет сдерживания уровня обеспечения большинства.

В-третьих, при принятии решений не всегда принимается во внимание то, что отечественная система социального обеспечения в XX в. строилась как иерархическая категориальная система. В течение многих лет в результате ранжирования прав и льгот сформировалась дифференцированная, но более или менее устойчивая система социального обеспечения, включающая разные категории граждан. Принцип дифференциации является краеугольным, фундаментальным отраслевым принципом. Дифференциация осуществляется по всем основным параметрам обеспечения: кругу лиц, основаниям, условиям, размерам (объемам) обеспечения, источникам финансирования, правилам исчисления (определения объемов),

---

³ Постановления Конституционного Суда РФ от 8 февраля 2018 г. № 7-П, от 26 февраля 2018 г. № 10-П, от 27 ноября 2017 г. № 33-П, от 13 декабря 2017 г. № 40-П, от 6 октября 2015 г. № 24-П, от 6 ноября 2013 г. № 23-П, от 7 февраля 2012 г. № 1-П, от 15 ноября 2011 г. № 24-П, от 20 декабря 2010 г. № 21-П, от 27 ноября 2009 г. № 18-П, от 29 января 2004 г. № 2-П. Данный перечень можно дополнить двумя десятками определений Конституционного Суда РФ.

порядку назначения и предоставления различных видов социального обеспечения [Антипьева, 2016, 117-127]. Дифференциация на основе социальной справедливости позволяет сохранять единую, основанную на общих принципах и подходах систему социального обеспечения. Чрезмерное применение принципа равенства приводит к уравнительности, а это уже расценивается как несправедливость.

В-четвертых, отрицательное влияние решений Конституционного Суда РФ о признании отдельных положений законов о социальном обеспечении не соответствующими Конституции РФ усугубляется сложившейся практикой избирательного применения принципов равенства и справедливости при рассмотрении жалоб и запросов. Так, Конституционный Суд РФ не усмотрел нарушения принципов равенства и справедливости в ускоренном и неравномерном порядке повышения пенсионного возраста в России, которое предусмотрено Федеральным законом от 3 октября 2018 г. № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» (см. Определение от 2 апреля 2019 г. № 854-О).

Таким образом, право толкования всегда позволяет Конституционному Суду РФ избирать тот или иной вариант реагирования на сложнейшие социальные проблемы. Следует согласиться с О.Е. Кутафиным в том, что Конституционный Суд РФ должен выступать «в качестве... механизма поиска и поддержания баланса интересов» [Кутафин, 2008, 149, 235].

Обоснование уровня социального обеспечения

В науке права социального обеспечения в определении основополагающего понятия «социальное обеспечение» нередко включают указание на его «нормированность», что предполагает наличие количественных параметров в содержании правовых норм. В самом общем понимании нормирование рассматривается как процесс установления предельно допустимых или оптимальных нормативных значений (нормативов) в различных сферах жизнедеятельности.

Нормированность – качество, имманентно присущее социальному обеспечению. Она проявляется в установлении зависимости права на различные виды социального обеспечения от конкретной продолжительности требуемого стажа, размера индивидуального пенсионного коэффициента, возрастных критериев, в определении размеров денежных выплат в процентном соотношении с заработком (доходом) и т. д.

Гарантированность социального обеспечения заключается не столько в предоставлении какого-либо социального обеспечения вообще или предоставлении отдельным категориям граждан большего объема прав и льгот, сколько в определении конституционных параметров уровня обеспечения, ниже которого оно не может предоставляться.

В важнейших международных правовых актах уровень обеспечения обозначается разными терминами, словосочетаниями, совокупностью качественных характеристик или признаков. В ст. 25 Всеобщей декларации прав человека говорится о «таком жизненном уровне... который необходим для поддержания здоровья и благосостояния» человека и его семьи, в ст. 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах – о «достаточном жизненном уровне». Конвенция МОТ № 102, устанавливая минимальные нормы социального обеспечения в качестве «международных стандартов» [Колодяжная, 2018, 16-17], предусматривает уже более конкретные индикаторы уровня обеспечения. Так, размер обеспечения по старости определяется в соответствии с установленной шкалой и составляет 40% заработка «типичного получателя» (его примерные характеристики указаны в Конвенции).

В ст. 7 Конституции РФ используется категория «достойная жизнь», которая в научных исследованиях определяется через понятия уровня жизни, объема и качества предоставляемых материальных благ, а это требует выработки единых стандартов, нормативов [Барсукова, 2016, 133; Велиева, 2014, 83; Ильин, Морев, 2018, 9-25]. При этом следует учитывать тот факт, что невозможно гарантировать всем достойный уровень жизни, обеспечиваемый только «силами государства» [Арановский, Князев, 2018, 22]. Возможности государственной системы социального обеспечения определяются тем, «может ли государство осуществлять такое обеспечение» [Зорькин, 2013, 95].

Уровень социального обеспечения является показателем состояния данной системы и эффективности ее функционирования. Это целевой ориентир, на основе которого должна происходить корректировка развития системы, ее привязка к изменяющимся экономическим условиям и демографическим процессам. Предусматриваемый законами уровень обеспечения должен: 1) базироваться на важнейших конституционных установлениях; 2) дифференцироваться в зависимости от степени солидарного участия граждан в несении бремени по содержанию системы социального обеспечения (через уплату налогов и страховых взносов); 3) предусматривать установление заранее определенных пределов социально-солидарного перераспределения материальных благ внутри системы; 4) учитывать экономические возможности страны на данном этапе ее развития. Лицам, не участвующим в несении бремени по содержанию системы социального обеспечения, государство должно гарантировать при наступлении социальных рисков уровень жизни не ниже прожиточного минимума посредством совокупности различных видов обеспечения.

В системе социального обеспечения должно быть абсолютно понятно, каковы обязанности государства в части государственного обеспечения и каковы права и обязанности граждан в части их самообеспечения через солидарные системы социального страхования. Выявление исходных, базовых конституционных параметров и критериев должно осуществляться с учетом важнейших международных правовых актов. В этом плане определяющей представляется роль Конституционного Суда РФ, исходя из «интегративной функции Конституции, выступающей в качестве важнейшего фактора обеспечения общественного согласия» [Зорькин, 2018, 7].

Заключение

Современный этап развития российской системы социального обеспечения характеризуется противоречивыми тенденциями. С одной стороны, экономические и демографические факторы привели к необходимости повышения пенсионного возраста. С другой стороны, новым реальным ориентиром стала Конвенция МОТ № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения». Ее ратификация должна привести к повышению уровня материальной обеспеченности граждан. В этих условиях важно изменить подход к пониманию принципа конституционной гарантированности социального обеспечения. Сегодня преобладает негативный подход, который выражается в оценке конституционности положений отдельных законов о социальном обеспечении. Такой подход оказывает отрицательное воздействие на систему, вызывая ее деформацию. Позитивный потенциал данного принципа заключается в определении базовых конституционных параметров уровня обеспечения, ниже которого оно не может предоставляться. Конституционно обоснованный уровень обеспечения – это тот целевой ориентир, на основе которого должна происходить корректировка системы социального обеспечения.

Библиография

1. Антипьева Н.В. Единство и дифференциация в праве социального обеспечения. М.: Проспект, 2016. 240 с.
2. Арановский К.В., Князев С.Д. Конституция и безопасность // Государство и право. 2018. № 1. С. 17-28.
3. Барсукова В.Н. Понятие и критерии достойной жизни // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 4. С. 131-136.
4. Велиева Д.С. Проблемы конституционной концептуализации понятия «достойная жизнь» // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 2. С. 74-84.
5. Всеобщая декларация прав человека. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/
6. Зорькин В.Д. (ред.) Комментарий к Конституции Российской Федерации. М.: Инфра-М, 2013. 1040 с.
7. Зорькин В.Д. Конституция РФ – правовая основа интеграции российского общества // Государство и право. 2018. № 12. С. 5-17.
8. Ильин В.А., Морев М.В. «Российская Федерация – социальное государство»? Оценка 25-летних итогов реализации статьи 7 Конституции РФ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 9-25.
9. Колодяжная А.И. Реализация в российском законодательстве минимальных норм социального обеспечения (правовые проблемы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 26 с.
10. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
11. Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008. 542 с.
12. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon
13. Минх Г.В. Законодательная инициатива Президента Российской Федерации как конституционно-правовой институт // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 89-99.
14. Миронова Т.К. О роли Конституционного суда в расширении сферы действия законов о социальном обеспечении // Вопросы российского и международного права. 2015. № 1-2. С. 72-102.
15. О минимальных нормах социального обеспечения: конвенция МОТ № 102. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=16217#028967520764095744>
16. О ратификации Конвенции о минимальных нормах социального обеспечения (Конвенции № 102): федер. закон Рос. Федерации от 03.10.2018 № 349-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 27.09.2018: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 03.10.2018. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308157/
17. По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений статей 4 и 7 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий»: определение Конституционного Суда РФ от 02.04.2019 № 854-О. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=577274>

On constitutional guarantees of social security

Tamara K. Mironova

Doctor of Law, Docent,
Professor at the Department of labour law and social security law,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9 Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: tkmironova@msal.ru

Abstract

The article aims to study constitutional guarantees of social security in the Russian Federation. It pays attention to the fact that the current stage of the development of the social security system of the Russian Federation is characterised by contradictory trends. On the one hand, economic and demographic factors have led to the need to raise the retirement age in the country, and the conditions

for providing various types of security are becoming stricter. On the other hand, the Social Security (Minimum Standards) Convention (1952) has become a new real reference point. The article points out that its ratification should lead to an increase in the level of material security of citizens in the Russian Federation. Under these circumstances, it is important to change the approach to the understanding of the principle of constitutional guarantees of social security. Today, the negative approach prevails, which has a negative impact on the system. The author of the article believes that it is necessary to use the positive potential of this principle. It consists in determining the basic constitutional parameters of the level of security, below which it cannot be provided. The social security system of the Russian Federation should be adjusted on the basis of this target.

For citation

Mironova T.K. (2019) O konstitutsionnoi garantirovannosti sotsial'nogo obespecheniya [On constitutional guarantees of social security]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 9 (10A), pp. 217-226. DOI: 10.34670/AR.2020.91.10.024

Keywords

Constitution, convention, law, guarantees, principles, social security, level of security, retirement age.

References

1. Antip'eva N.V. (2016) *Edinstvo i differentsiatsiya v prave sotsial'nogo obespecheniya* [Unity and differentiation in social security law]. Moscow: Prospekt Publ.
2. Aranovskii K.V., Knyazev S.D. (2018) Konstitutsiya i bezopasnost' [The Constitution and security]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 1, pp. 17-28.
3. Barsukova V.N. (2016) Ponyatie i kriterii dostoinoi zhizni [The concept and criteria of a decent life]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii* [Bulletin of Saratov State Academy of Law], 4, pp. 131-136.
4. Il'in V.A., Morev M.V. (2018) "Rossiiskaya Federatsiya – sotsial'noe gosudarstvo"? Otsenka 25-letnikh itogov realizatsii stat'i 7 Konstitutsii RF ["Is the Russian Federation a social state"? Evaluation of the 25-year results of the implementation of Article 7 of the Constitution of the Russian Federation]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny v regione: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 11 (6), pp. 9-25.
5. Kolodyazhnaya A.I. (2018) *Realizatsiya v rossiiskom zakonodatel'stve minimal'nykh norm sotsial'nogo obespecheniya (pravovye problemy)*. Doct. Diss. Abstract [Implementation of minimum social security standards in Russian legislation (legal problems). Doct. Diss. Abstract]. Moscow.
6. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993* [Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ [Accessed 14/11/19].
7. Kutafin O.E. (2008) *Rossiiskii konstitutsionalizm* [Russian constitutionalism]. Moscow: Norma Publ.
8. *Mezhdunarodnyi pakt ob ekonomicheskikh, sotsial'nykh i kul'turnykh pravakh* [International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights]. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon [Accessed 14/11/19].
9. Minkh G.V. (2016) Zakonodatel'naya initsiativa Prezidenta Rossiiskoi Federatsii kak konstitutsionno-pravovoi institut [The legislative initiative of the President of the Russian Federation as a constitutional legal institution]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 1, pp. 89-99.
10. Mironova T.K. (2015) O roli Konstitutsionnogo suda v rasshirenii sfery deystviya zakonov o sotsial'nom obespechenii [On the role of the Constitutional Court of the Russian Federation in the extension of the purview of social security laws]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 1-2, pp. 72-102.
11. *O minimal'nykh normakh sotsial'nogo obespecheniya: konventsiiya MOT № 102* [ILO Social Security (Minimum Standards) Convention]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=16217#028967520764095744> [Accessed 14/11/19].
12. *O ratifikatsii Konventsii o minimal'nykh normakh sotsial'nogo obespecheniya (Konventsii № 102): feder. zakon Ros.*

- Federatsii ot 03.10.2018 № 349-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 27.09.2018: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 03.10.2018* [On ratifying the Social Security (Minimum Standards) Convention (Convention No. 102): Federal Law of the Russian Federation No. 349-FZ of October 3, 2018]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308157/ [Accessed 14/11/19].
13. *Po zaprosu gruppy deputatov Gosudarstvennoi Dumy o proverke konstitutsionnosti polozhenii statei 4 i 7 Federal'nogo zakona "O vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii po voprosam naznacheniya i vyplaty pensii": opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 02.04.2019 № 854-O* [On checking the constitutionality of the provisions of Articles 4 and 7 of the Federal Law "On amending certain legislative acts of the Russian Federation on granting and paying pensions" at the request of a group of deputies of the State Duma: Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 854-O of April 2, 2019]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=577274> [Accessed 14/11/19].
  14. Velieva D.S. (2014) Problemy konstitutsionnoi kontseptualizatsii ponyatiya "dostoinaya zhizn" [The problems of constitutional conceptualisation of the concept "decent life"]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal* [Leningrad law journal], 2, pp. 74-84.
  15. *Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka* [Universal Declaration of Human Rights]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ [Accessed 22/01/19].
  16. Zor'kin V.D. (ed.) (2013) *Kommentarii k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii* [A commentary on the Constitution of the Russian Federation]. Moscow: Infra-M Publ.
  17. Zor'kin V.D. (2018) Konstitutsiya RF – pravovaya osnova integratsii rossiiskogo obshchestva [The Constitution of the Russian Federation as a legal basis for the integration of Russian society]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 12, pp. 5-17.